

Лидия Чарская

Кис-кис

Лидия Чарская

Кис-кис

«Public Domain»

1903

Чарская Л. А.

Кис-кис / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1903

Кис-Кис ему очень нравилась. В ней было что-то донельзя раздражающее и задорное, что не могло наскучить ему, несмотря на долгие месяцы их связи. И потом, она была красива, способна и ловка. Эти три вещи были, по его мнению, необходимыми для актрисы...

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Лидия Алексеевна Чарская

Кис-кис

I

– Через 5 минут начало... Божественная, готовы?

– Ладно, проваливайте.

– Серьезно – начало.

– Ну, так и начинайте...

– Так вы же во 2-м явлении.

– Ну, во втором...

– Так, как же?

– А пойдите вы к черту! Даша, щипцы!

И выхватив из рук расторопной горничной накаленные щипцы, хорошенькая «премьерша» провинциальной драматической труппы принялась немилосердно палить густую белокурую челку.

Елена Александровна, можно? – раздалось за дверью.

– Вы, Томилин? – встрепенулась она.

– Я.

– И я, Кузьмин, – прибавил другой голос.

– Ну, тогда нельзя!

– Да почему же, божественная?

– Надоели.

– А Томилину можно? – ехидничал тот же голос за дверью.

– Как всегда.

– Вот погодите-ка, я Максиньке насплетничаю.

– Можете! Даша, карандаш! Да где же карандаш, черт возьми!

Даша засуетилась, ища карандаш, а хорошенькая «премьерша», полуодетая, в нарядной нижней юбочке и батистовой распашонке для грима, проводила по губам едкой палочкой кровавого кармина.

В уборной, как и во всех уборных провинциальных театров, пахло духами, клеем и папиросами. Дешевенький ковер, превратившийся, за давностью времени, из голубого в зеленый, покрывал пол. В углу приютился туалет, обитый кисеей, с разбросанными по ней голубыми бантами. На туалете стояло овальное «собственное» зеркало, отражавшее хорошенькое и подвижное лицо хозяйки с лукаво-взыскивающими глазами.

Елена Александровна Танина, или просто «Кис-кис», как ее называли все окружающее за ее «кошачий» характер, отлично сознавала неотразимую силу этих глаз и безбожно пользовалась ими. Но сегодня ей было не до того. Сегодня чудесные глаза не играли...

Она злилась...

– Киска, можно? – послышался за дверью знакомый голос.

– Это ты? Входи, входи, голубчик, – говорила она, и в тоже время подправляла левую бровь, подчеркнутая несколько больше правой.

– Кис-кис, ты еще не готова!

И молодой, очень красивый, благодаря эффектному гриму и блестящим глазам актера, с развязностью близкого вошел в уборную.

– Максинька, милый!

Ловким, кошачьим движением она закинула ему руку на шею и, не стесняясь присутствия горничной, прильнула к нему, глядя на него снизу вверх своими искусно подведенными глазами.

Стоя она была еще эффектнее. Маленькая, хрупкая и изящная, как дорогая статуэтка, она походила больше на ребенка, нежели на 30-ти летнюю женщину, имевшую десятилетнего сына, где-то далеко на руках родственников. Впрочем, она не скрывала ни ребенка, ни возраста – напротив бравировала ими, сознавая свою силу и молодость.

– О, какая же ты прелесть сегодня! – вырвалось у актера.

– Прелесть? Правда прелесть? – обрадовалась она, как девочка, и покосилась на зеркало. – Лучше дебютантки?

– Ну, та в другом роде.

– Макс, берегись, я ей глаза выцарапаю!

– Штраф заплатишь, без Занды спектакль не состоится.

– И без Пии тоже. А я истерику закачу сию минуту. – и ее голосок задрожал новыми для него нотками.

– Ну полно, Кис-Кис. Ты у меня несменная.

– Господа, на сцену! Максим Григорьевич, божественная, готовы? – послышался голос помощника режиссера.

– Даша, белое платье, – командовала молодая женщина и, просовывая голову в отверстие воздушной юбки, спросила: – Ну, как принимали после первого акта?

– Принимали хорошо. Сама слышала.

– Черти! – обрадовались, что глазами ворочает. Не жалеют лапищ.

– Это ты верно говоришь. Глаза у нее мистические. Только, не скажи, и играет, она хорошо.

– Та-лант-ли-вая? – странно блестя загоревшимися глазами, протянула Кис-Кис.

– Талантливая! – без запинки ответил Горский, стойко выдерживая ее взгляд.

– Лучше меня?

– Я уже сказал: каждая в своем роде.

– Ну, Максимка, берегись! – И она с силой рванула воздушную оборку платья.

– Начинаем! – раздалось со сцены вслед за дребезжащим звонком.

– Ладно, подождешь! – сердито проворчала Кис-Кис, стискивая бока своими миниатюрными ручками, чтобы дать возможность вспотевшей и измученной Даше зашнуровать узконалаженный лиф.

Горский, сидя верхом на стуле, курил и смотрел на нее.

Кис-Кис ему очень нравилась. В ней было что-то донельзя раздражающее и задорное, что не могло наскучить ему, несмотря на долгие месяцы их связи. И потом, она была красива, способна и ловка. Эти три вещи были, по его мнению, необходимыми для актрисы. Злость Киски ему не особенно досаждала. И влюблена-же она была в него, как кошка! Это обстоятельство, правда, было немного обременительно, но ловкость и умение устраиваться искупали все. К тому же его не тянуло к прочим женщинам. Провинциальные дамы были мало интересны и щепетильны, а актрисы – свой брат. К тому же Киска считалась самой «шикарной» между ними и выцарапала бы ему глаза за измену.

До сегодняшнего дня, впрочем, он не ощущал особенного неудобства от связи с Киской... Но сегодня...

Когда он увидел эту новую дебютантку, с ее черными звездами, вместо глаз, и бархатно-страстным голосом, врывающимся в самую душу, он невольно сравнивал ее с Киской и не в пользу последней.

На репетициях новая актриса «не играла». Многие из труппы, вслушиваясь в ее монотонную читку и глядя на бледное и не очень красивое лицо, решили на скорую руку, что она «бездарность».

Но когда она появилась в первом акте пресловутой Зандой, заигранной всеми провинциальными героинями, эффектная в красном облаке тюля, с чисто цыганскими глазами, Горский понял, что она и красавица и талант на диво.

Понял это и режиссер, и антрепренер Илья Исаевич Петров, купец-рыбник, баловавшийся «своим дельцем шутки ради». Поняла и провинциальная публика, проводившая новую актрису дружными аплодисментами.

II

Декорации для второго акта были уже поставлены. Придерживая обеими руками трен белого платья, изящнее и миниатюрнее, чем когда-либо, Кис-Кис пробиралась на место.

– Дочурка! – задел ее первый комик, игравший по пьесе ее отца.

– Отвяжись, – отрезала она, проходя дальше.

– За что, мамочка, видит Бог – невинен.

От комика несло водкой и он едва ворочал языком.

Дебютантка, высокая, немного полная девушка, прекрасно нагримированная, с темными, немного мрачными глазами, была еще очень молода, несмотря на некоторую громоздкость фигуры.

Она заметно волновалась.

Горский говорил ей что-то, стоя рядом у кулисы.

Кис-Кис похолодела. «Начинается!» – мелькнула в ее головке, но овладев собой, она подошла к дебютантке и спросила ее с любезной улыбкой:

– Что, боитесь?

– Ужасно! – чистосердечно созналась она, доверчиво и ясно улыбнувшись подошедшей.

– Елена Александровна, приготовьтесь, – шепнул ей помощник.

Кис-Кис обдернула привычным жестом юбку, тронула прическу, перекрестилась и ступила на сцену.

Публика любила Танину за хорошенькое личико, за подкупающую веселость, за милое щебетанье веселых и трогательно грустных ролей.

До Ратмировой, «героиней» была одна, не пользовавшаяся успехом, актриса. Это еще больше укрепило престиж Киски.

Теперь же Танина боялась новой соперницы и «старалась» играть.

Роль Пии – глупенькой и наивной щебетуны – была не из ярких. Но Кис-Кис так мило стреляла в абонементные ложи и первые ряды, что публика ласково отнеслась к своей любимице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.